

ЛЕЧЕБНИЦЫ ПРИ МОНАСТЫРЯХ В РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ПУБЛИЦИСТИКЕ XI–XIII ВВ.

В статье анализируется функция описания деятельности монахов-лекарей в публицистике XI–XIII вв. Врачебная практика для священнослужителей была почти необходимостью. Она не только приносила доход со стороны власть имущих, но и укрепляла веру неродовитых прихожан – им монахи оказывали помощь безвозмездно.

Ключевые слова: публицистика, Древняя Русь, медицина, Киево-Печерский патерик, монастырь.

Первые лечебницы на Руси появились при монастырях. Это неудивительно: с принятием христианства опеку над медициной взяла на себя Церковь. Что представляли из себя больницы той эпохи? Это были отдельные кельи в монастыре, в которых и содержали пациентов. Часто монахи размещали больных даже в собственных крохотных комнатах. «Испокон веков монастыри были главной лечебницей всех страждущих и недужных. Когда человек заболел телесно или у него болела душа, он шел в монастырь»¹, – замечает Е.В. Романенко в работе «Повседневная жизнь русского средневекового монастыря». Среди источников, дающих информацию о положении монастырской медицины в Киевской Руси, есть природно-географические, этнографические, вещественные, художественно-изобразительные и, конечно, письменные – они-то и интересуют нас.

Но сначала необходимо разобраться, какие методы лечения предлагались в древнерусской литературе. М.П. Одесский выделяет три типа текстов, которые отвечают на вопрос «как лечиться»: молитва-заговор, «самоучитель» и агиография². В первом случае

речь идет о произведениях, после прочтения которых «человек болюющий» должен был непременно выздороветь. Они представляли собой нечто вроде заклинания. В качестве примера в статье приводятся «Молитва об изгнании болезней», а также «Молитва Иоанну Златоусту от всех уд». Второй случай – конкретные советы по лечению. Тексты этого типа – «Лечебник» и «Травник». В них описаны главным образом рецепты лекарств, рекомендации по уходу за больным, меры профилактики различных заболеваний. И, наконец, третий случай предлагает искать исцеления в церкви. На нем и остановимся подробнее.

Новгородский игумен Моисей рассуждает об источниках болезни в «Поучениях о простой чади» – тексте, популярном благодаря простому языку и почти полному отсутствию цитат из Священного Писания. Игумен считает, что залог хорошего самочувствия заключается в умеренности: «Недугъ всь ражаеться въ телеси чловѣчи, въ кручинѣ. Кручина же съсядеться от излишнаго пития и ѣдения, и спания, и женоложья, иже без време и без мѣры». В его доказательстве медицинские знания, восходящие к античности («Учение о жидкостях»), переплетаются с религиозными установками: «Кручины же три въ чловѣцѣ: желта, зелена, черна; да от желтое огньная болѣзнь, а от зеленое зимная болѣзнь, а от черное смерть, рекши души исходъ; дяволь же тогда радуеться о погыбели чловѣчи. Того же недуга Богъ не створи, нъ самъ в себе стваряеть недугъ безвременнымъ дѣяниемъ и безмѣрнымъ, и самъ ся осужаетъ на муку; аще ся не покаеть, ни вѣстягнетъся от того»³. Получается, человек сам несет полную ответственность за свое здоровье, а неугодные Богу поступки не только не способствуют «спасению», но наносят вред самочувствию. Физическое состояние является отражением души.

Больницы при монастырях, вероятно, были востребованы. Услуги врача-профессионала могла себе позволить только знать – т. е. меньшинство. Так что Церкви было даже выгодно оказывать медицинские услуги. Во-первых, лечение базировалось на эффекте плацебо (самовнушении пациента) и практически не требовало финансовых расходов. Во-вторых, «чудо исцеления» укрепляло веру папсты и прибавляло адептов. Миссия монахов соответствовала афоризму Аристотеля (который можно найти в сборнике «Пчела», широко распространенном на Руси): «добрый врачъ есть, иже иметься лѣковати больных и отчаяныхъ всѣми врачи»⁴. К представителям духовенства шли, находясь в отчаянии. Поэтому и ценность труда монаха-медика в такой ситуации высока. Он брался за то, что другим оказалось не под силу. Разумеется, у церковных

деятелей всегда было оправдание, если пациент не поддавался лечению и покидал этот мир.

Поэтому и говорить об очередях в монастырские больницы не приходится. Во-первых, судя по обличениям проповедников, в древнерусском обществе были сильны дохристианские верования: на чудо божественного происхождения до последнего не надеялись и предпочитали испробованные методы лечения – волшебное зелье или жертвоприношение. Во-вторых, на Руси монастыри часто бывали далеко от мест поселения крестьян, добраться до больницы не представлялось возможным.

Кстати, лечебница при монастыре не единственное место, где неродовитый заболевший мог получить хоть какую-то помощь. В «Повести временных лет» описывается, например, как князь Владимир Святой, вдохновившись евангельскими словами, а также примером ветхозаветных царей Давида и Соломона, приказал «нищю всяку и убогу приходити на дворъ на княжь и взимати всяку потребу: питье и яденье, и от скотъничъ кунами»⁵. А тем, кто ходить не мог, все необходимое привозили домой. Телеги с провизией ездил по всему городу и, увидя больного, останавливались. Организм, изнуренный физическим трудом и голодом, нуждался в полноценном питании. Особенно это, разумеется, касается тех, кто уже был недееспособен и почти не двигался.

Однако утверждать, что все монахи лечили только молитвой или обрядами, неверно. Например, лечец Агапит, который служил в Киево-Печерском монастыре, знал секрет приготовления исцеляющего снадобья. Лекарственные травы он, вероятно, выращивал на огороде в стенах монастыря. В Киево-Печерском патерике подчеркивается, что монах делился с пациентами трапезой и еда, им приготовленная, обладала чудодейственными свойствами. Однажды к нему за помощью обратился князь Владимир Мономах. Князь требовал, чтобы Агапит, нарушив обет, вышел за монастырские ворота и пришел к нему: «Видѣвъ же *посланный* от князя, яко не хоцеть ити, молитъ мниха, яко да поне зѣлиа дать. Принужень же бысть игуменомъ, дать ему зѣлие от своеа яди, да дать болящему. И егда же князь вкуси зѣлиа, и ту абие здравъ бысть»⁶.

Каким должен быть врач с точки зрения этики? Киево-Печерский патерик предлагает определенный сценарий поведения. Ухаживал за больными даже сам преподобный Феодосий. Он взял на себя заботу об Исакии Пещернике, который стал жертвой бесовских издевательств. Феодосий перенес его в свою келью, а «бѣ бо раслабленъ умомъ и тѣлом, яко не мощи ему обратитися на другую страну, ни вѣстати, ни седѣти, но лежаше на единой странѣ, *многы*

же и червие вметахуся под бедра ему с мочения и с поливания. Феодосий же сам своима рукама мыаше и опряташе; и лежа за 2 лѣта, святой же служа ему»⁷. Перед нами – образец человеколюбия и самопожертвования. Описывая действия преподобного, автор реализует сразу несколько задач: дополняет образ Феодосия, чьи религиозный подвиг и дар чудотворения заставляли прислушиваться к нему всех; демонстрирует, каким должен быть врач, и сразу противопоставляет Феодосия любому светскому лекарю, который, разумеется, так с пациентами не возился, а еще брал за услуги деньги, хотя состояние больного от его манипуляций редко улучшалось.

Монахи не рассматривали пищу как один из инструментов поддержания здоровья или лечения. Об этом свидетельствуют разговоры Святоши, до пострижения – князя, с его врачом Петром, сирийцем по происхождению. Лекарь просит блаженного быть внимательнее к своему здоровью, поскольку «не хочет бо Богъ чресь силу поста или труда». Режим питания, которого придерживается князь, живя в монастыре, может навредить ему: «Дивлюся утробнѣй ти влазѣ, иже иногда отягчѣнѣ бывше от сладкиа пища, нынѣ же убо суровое зелие и сухъ хлѣбъ приемлющъ трѣпит. Блюди, да нѣкогда недуг отвсюду събрався, и не имущю ти крѣпости, скоро живота гоньзнеши, мнѣ же не могущу ти помощи, оставиши плачь неутешим братама своима»⁸. Не раз с подобными увещаниями приходил Петр к преподобному. Однажды Святоша ответил: «...и ты убо, егда уврачюеши, не гнушати ли ся велиши брашень?»⁹. Получается, воздержание в пище духовенство оправдывало, помимо очевидной – религиозной, и с научной точки зрения. Убедить остальных членов общества в своей правоте, ссылаясь еще и на здравый смысл, разумеется, не требовало больших усилий.

Говорить о конкуренции на рынке медицинских услуг в Киевской Руси можно едва ли, однако монахи-лекари все-таки не упускали ни единой возможности продемонстрировать свое могущество. Рычагов давления на соперников было два. Первый – правовой. Правила пользования этим инструментом зафиксированы в «Уставе князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных», составленном в конце X – начале XI в. По примеру Византии Церковь, согласно документу, могла судить лекарей. Так устраняли конкурентов-язычников, тех, кто практиковал колдовство. Второй метод борьбы с оппонентами – информационный, публицистический. Не менее действенный, чем первый. У Церкви и тут была монополия. Например, монахи обвиняли в бессилии врачей-иностранцев, которые потому не справлялись со своими профессиональными обязанностями, что придерживались

не тех религиозных взглядов: «И нѣкто от Києва богатыхъ прокаженъ сый. И много от влѣхвовъ и от врачейъ врачюемъ бываше, и от иновѣрныхъ челоувѣкъ искаше помощи, и не получи, но и грѣшее себѣ приобрѣте»¹⁰. Далее в Киево-Печерском патерике описывается, как через покаяние киевлянин исцелился. Не без помощи, конечно, преподобного Феодосия.

Разумеется, это не единственный случай выздоровления благодаря вере. Еще один произошел с преподобным и многострадальным отцом Пименом. Он был болен с детства, и юношей родители доставили его в Печерский монастырь в надежде, что монахи смогут вылечить его. Пимен лелеял мечту стать иноком, но богатые родители были категорически против. Как-то ночью, по словам преподобного, к нему пришли ангелы; одни – в образах прекрасных юношей, другие – игумена и братии. Они совершили обряд пострижения над Пименом и сказали, что он обретет здоровье только перед смертью. Монахи посчитали случившееся чудом и приняли юношу в состав братии. На протяжении 20 лет Пимен жил в монастыре и тяжело болел (судя по описаниям в патерике, он был парализован), а перед самой кончиной встал с постели и обошел кельи, где находились больные, с призывом проводить его в последний путь: «И абие словом его отступаше *болѣзнь* от них, и здрави бывающе, *идоша* с ним». Примечательно, что преподобный выздоравливать и не хотел: он не только смирился с предсказаниями ангелов, но и, цитируя Евангелие, говорил, что мучение есть спасение души. Более того, этот эпизод содержит поразительную деталь: на протяжении долгих лет о Пимене почти не заботились, часто забывали не то что накормить, но и напоить его. Кстати, тех, кто плохо ухаживал за ним и другими пациентами, монах наказывал: «...на нерадивыа же и не хотѣвшаа служити болнымъ всѣхъ обиать недуг, по словеси блаженнаго»¹¹. Ключ к тайне, как Пимену удалось выжить в таких условиях, авторы Киево-Печерского патерика видят в исключительной вере святого.

Монахи не могли не поддерживать людей больных и немощных – это бы противоречило христианским заповедям. Но долго монаха все-таки было не вылечить пациента, а обличить происхождение его недуга или морально подготовить умирающего к расставанию с жизнью. «Чудеса исцеления» продлевали монастырю жизнь. За них братия получала финансовое вознаграждение от дарителей. Кроме того, впечатлительные прихожане укреплялись в вере, а это, в свою очередь, тоже приносило плоды – управлять паствой становилось легче. Рассказы о лекарях-монахах, их даре исцеления, самоотверженности в работе и бескорыстии вызывали

у читателя одобрение и симпатию. Истории о чудесном выздоровлении передавались из поколения в поколение, а при переписывании текстов обрастали новыми подробностями – становились еще правдоподобнее. Таким образом, описание деятельности монастырских врачей – публицистический прием воздействия на новообращенных христиан. Каритативная практика укрепляла позиции Церкви. В памяти паствы оставались только случаи настоящих чудес, а не случайных выздоровлений или вовсе летальных исходов. Примечательно, что в древнерусских текстах едва ли можно найти даже упоминание о том, как светский врач вылечил кого-то. Оно и понятно: записи той эпохи принадлежат перу их конкурентов – представителей духовенства.

Примечания

- ¹ Романенко Е.В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 298.
- ² Одесский М.П. «Человек болеющий» в древнерусской литературе // Одесский М.П. Четвертое измерение литературы: Статьи о поэтике. М.: РГГУ, 2011. С. 148–150.
- ³ Библиотека литературы Древней Руси: В 15 т. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под ред. Д.С. Лихачева [и др.]. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. С. 284.
- ⁴ Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. С. 499.
- ⁵ Повесть временных лет / Рос. акад. наук; подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 1996. С. 56.
- ⁶ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. С. 356.
- ⁷ Там же. С. 388.
- ⁸ Там же. С. 344.
- ⁹ Там же. С. 345.
- ¹⁰ Там же. С. 377.
- ¹¹ Там же. С. 501.